

КОТИК ТЫ МОЙ СЕРЕНЬКИЙ

БОРИС МИРЗА
Родился в Москве в 1971 году.
Режиссер, преподаватель,
сценарист, писатель. Окончил
ВГИК.
Лауреат нескольких кино-
фестивалей, в том числе
Первого Международного
евроазиатского кинофести-

валя стран СНГ и Балтии,
Восток-Запад «Новое кино.
XXI век».
Сборник рассказов и пове-
стей «Девушка из разно-
цветных яблок» («ЭНСМО»)
награжден дипломом
«Открытие года» на отрас-
левом конкурсе «Ревизор».

*О, не дай мне в последний мой час
обезуметь от страха!
Если ужасен твой вид, не снимай
покрывала и строгий
Суд соверши надо мной, мне лица твоего
не являя». —
«Ах! — она отвечала, — разве еще раз
увидеть,
Друг, не хочешь меня? Я прекрасна,
как прежде, как в оный
День, когда твоею невестой стала.
В. А. Жуковский. Ундина*

Вы, наверное, не поверите, но иногда бабушка умела выглядеть нормальной. Нет, конечно, она не была доброй бабушкой из рождественской сказки. Все прекрасно знали, что у нее сложный характер, что она вспыльчивая и, ну прямо скажем, не очень любвеобильная.

Но, по рассуждению наших с Васенькой родителей, любви мы достаточно получали и дома. А вот некоторой дисциплины и жесткости нам, изнеженным, явно не хватало.

Три месяца лета должны были научить нас жить с бабушкой.

И я верю, что никто и не догадывался, кем на самом деле была моя бабушка и чему она нас научила.

Я помню тот день, когда понял, что теперь, пе-

реехав на лето в Крым, я, наверное, вынужден буду жить по несколько другим правилам. Нет! Конечно, я не мог подумать вот прямо так. Мне ведь было всего десять лет.

«Что это она кричит так долго, — думал я. — И когда это закончится?»

Бабушка кричала на нас с Васенькой долго и без особого повода. Это началось прямо в первый день летнего отдыха. Васенька был неуклюжим крепышом, носившим детские очки в роговой оправе. Не ловкость была настолько органической его чертой, что близкие привыкли и не обращали внимания. Все. Не только его родители, но и дальние родственники вроде меня тоже. Ну уронил Васенька вазочку, фантазируя о драках с вымышленными врагами, ну и что? Собрали осколки, покачали головой, поцокали языком, произнеся: «Эх, Васенька-Васенька, ты бы уж как-то умерил свой пыл-то. Вазы, чай, не казенные у нас».

Ну и отпускали. Мама его — моя тетя — в нем души не чаяла.

С бабушкой все оказалось иначе.

Помидорки

В крымском городке, где мы жили дома у бабушки, было много помидорок. Видимо, стоили они недорого, потому что лежали всегда в открытую, не под-

Бабушка посмотрела на нас. Почувствовала неладное, оглядела кухню. Уперлась взглядом в стол. Обнаружила мой чай, Васенькину яичницу и наш общий бутерброд. Все поняла и просияла. Бабушкино лицо осветила улыбка!

произойдет в следующий раз? По какой причине? Как избежать этого? Но не было никаких закономерностей.

Умирала бабушка активно. Перед смертью она считала своим долгом привести в порядок дела.

В маленькой однокомнатной квартирке, хаотично заставленной ветхой мебелью, где мы жили втроем, самым важным местом на время становился массивный двуспальный бабушкин диван. Лежа на нем, она раздавала последние распоряжения, которые состояли в дележе ее имущества. Несмотря на тяжелое предсмертное состояние, имущество свое и его назначение она знала отлично.

Стол письменный – Васеньке. По замыслу бабушки, внук должен был стать писателем.

– Этот стол создал твой прадедущка, – с трудом выговаривала бабушка, указывая на захламленный всякой канцелярской мелочью и другой дребеденью письменный столик с изящными точеными ножками, одна из которых, правда, подломилась, и теперь ее подпирало несколько старых школьных учебников. – Этот стол, – продолжала она, – создал ваш прадед. Он был святой.

Когда я в первый раз присутствовал при бабушкиной смерти, то от испуга и трепета решил, что это не наш прадедущка был святым, а святой стол с надломленной ножкой сейчас сдвинется с места, как старый пес подойдет к Васеньке и потрется своим обшарпанным краем.

Вещи были очень важны для бабушки Аглаи, они все были связаны с каким-нибудь священным про-

шлым и все должны были попасть в ответственные руки. То есть к Васеньке. Святой стол, святые граверы, святые книги...

Через десяток минут бабушка заканчивала распоряжения, и весь сонм святых вещей, казалось, следовал печальной вереницей к моему брату. Я с облегчением вздыхал, ведь было очень страшно: вдруг бабушка решит отдать свой святой диван мне. Как я повезу его домой? Как потом не оскверню его святость?

Но было и обидно. Давая распоряжения на случай кончины, бабушка всегда забывала наградить меня хоть чем-нибудь. И я всегда, о горе мне, всегда не выдерживал и задавал вопрос обиженного раба:

– А мне? А мне, бабушка, ничего?

Бабушка мученически улыбалась. Своей улыбкой она как бы говорила: «Жестокосердный стяжатель! Что ты требуешь от женщины на смертном одре?»

Но вслух произносила другое:

– У тебя есть другие бабушка и дедушка. А у Васеньки нет никого.

Вдруг оказывалось, что святой человек бабушка отдает свои святые вещи тому, кому они действительно нужнее. И Васенька всхлипывал, потому что никакие вещи, даже самые что ни на есть важные, не могли избыть его скорого одиночества.

– Хотя постой! – говорила она. Потому что ввиду скорой своей кончины ей не хотелось обделить и меня, своего второго внука. – Поддай мне вон ту оранжевую книгу.

В первый раз я долго копался, разыскивая среди множества пыльных томов эту брошюру. Потом, когда бабушка умирала в следующие разы, я уже легко находил и приносил ее к смертному одру.

– Вот, – говорила бабушка, – держи! Это тебе.

Я был очень рад. Это оказалась замечательно интересная книга. «Правила поведения ребенка в обществе». С иллюстрациями. Мне особенно приглянулись иллюстрации. И я частенько брал и читал эту книгу, учась множеству разных ритуалов. Особенно мне понравилась традиция вставать, когда входит женщина. Так как других женщин в нашем с Васенькой мире не было, я вскакивал всякий раз, когда бабушка входила в комнату, до тех пор, пока она не запретила это делать. Она спросила меня:

– У тебя что, шило в зад? Чего скачешь?

Злость бабушки всегда была неожиданна. У нее не было зримых причин. Для нее не нужно было весомых поводов. Не было закономерностей.

– Так было сказано в моей книжке, ба. Если в комнате, где вы находитесь, появляется женщина,

Между тем бабушка Аглая подняла голову и посмотрела вдаль.

– Я многое в жизни перенесла! – сообщила она в пространство. И замолчала.

Я подумал, что сейчас она скажет, что многое перенесла, но такую отвратительную яичницу, которую мы ей приготовили, перенести не может. Но я не угадал.

– Многое! – повторила бабушка. – Я видела войну и плен. Это святые вещи. Я не могу выкидывать пищу!

И она принялась собирать вилкой все, что недавно выплюнула. Она жевала наше кулинарное произведение, и ее лицо было серым и сморщенным от отвращения. Но она доела все до крошки. А мы с Васенькой не могли оторвать от нее взгляда. Словно под гипнозом смотрели на то, как она до блеска начищает тарелку остатками бутерброда. И я подумал, что если она сейчас захочет попробовать мой чай, то я точно обмочусь еще до того, как будет сделан первый глоток.

Вот тогда-то и наступит настоящее благолепие.

На дне морском

Временами бабушка принималась издеваться то над Васенькой, то надо мной. Причины этих издевок мы не понимали, но я думаю, что она не любила мужей и жен своих детей. Вообще-то, конечно, она не любила никого. Но вот их, мою маму и Васенькиного отца, она не любила особенно. И мы расплачивались за грехи родителей.

Недели две она пыталась Васеньку.

Пытка заключалась в том, что перед сном каждый вечер у них происходил один и тот же диалог.

– Ну, и где же твой папочка?

Васенька молчал. Отец его ушел из семьи.

– Бросил вас? Что же он такое за отец, а?

Васенька начинал выть. И сквозь вой выкрикивать:

– Мой папа хороший! Мой папа хороший! Мой папа хороший!

– Где же он хороший, когда он ускакал от вас?

– Он не ускакал! Он хороший!

– Ускакал, ускакал! Галопом по Европам!

Этот кошмар повторялся много вечеров, и сначала я плакал и пытался выть вместе с Васенькой. Мне было очень жаль брата, жаль его папу, жаль себя, который вынужден засыпать и слушать, слушать, слушать...

А потом я вдруг согласился с бабушкой. И это оказалось так просто! Ну правда ведь, что это за папка такой, что бросил сына и ускакал! Галопом по Европам.

Но Васенька все продолжал выть. И я вдруг начал злиться на него. Мне захотелось встать, подойти к нему, ноющему в подушку, и сказать: «Что ты орешь? Бабушка права! Твой отец, он сволочь! Он вас бросил! Ускакал, галопом по Европам! Так давай соглашайся, и хватит выть! Надоел твой вой!»

И уже через пару недель Васенька согласился с тем, что его папа прощелыга и что он ускакал. Тут же вечерние мучения закончились, и наступил временный покой.

За себя я был спокоен. Мой отец оставался в семье и никуда не исчезал.

Но бабушка нашла и мое слабое место. Тут она использовала другую тактику. Я даже не знаю почему. Она не стала обсуждать мою маму со мной, нет. Она разговаривала про нее с соседками. Но каждый раз, не сомневаюсь, она знала, что я слышу. Слышу и ничего не могу сказать.

– Мать у него, конечно, неряха. Прихожу к ним домой, а она говорит: «Аглая Петровна, обувь можете не снимать, если вам удобно». «Как же», – спрашиваю. А она мне: «Ничего, я пол не мыла». Пол она не мыла, понимаете? Такая антисанитария!

Присутствие соседок не давало мне возможности завить, как выл Васенька. Я только слушал эти слова, что иглами впивались в душу и ранили, ранили. А бабушка, казалось, ждала, когда я, мальчишка, начну ей перечить. Скоро ли восстану? Быстро ли сломаюсь?

И вдруг я открыл в себе замечательное умение. Я научился смотреть на старинную иллюстрацию в грустной книге «Ундина», которую бабушка почему-то решила открытой поставить на полку, как картину.

Морское дно. Печальная красавица с распущенными волосами сидела на камне, а вокруг нее плавали рыбы, струились водоросли, текла морская вода. И в воображении я подходил к ней и присаживался рядом. И тоже смотрел печально и отрешенно. А потом она поворачивалась ко мне и печально спрашивала:

– Ну, как тебе?

– Да не очень, – отвечал я.

– Ты из-за бабушки?

– Нет, я из-за мамы.

– Не верь ей. Она врет.

Я смущался. Все во мне восставало против такого разговора.

– Как это – врет? Бабушка – врет?

– Твоя мама хорошая.

– Моя мама хорошая, – шептал я, – Васечкин папа не убежал галопом по Европам, просто они с его

мамой... это... не сошлись характерами... Так говорят. Но что же мне делать?

- Будь рыцарем, сопротивляйся. – Ундина воодушевлялась и клала прохладную руку мне на плечо.
- Как я могу сопротивляться? – Мне хотелось всплакнуть, но рядом была прекрасная дама, и негоже... – Она же моя бабушка.
- Обоссы ее, – просто сказала Ундина и опять села, отвернулась и стала смотреть в даль. Как на картинке.

Эта безумная идея даже шуткой мне не показалась. Мне совсем не было смешно. Во-первых, это моя бабушка, которую я люблю, во-вторых, как все это осуществить, в-третьих, она уничтожит меня. Ундина, ты рехнулась.

- Знаешь, – сказал ей, чтобы сменить тему, – я бы с удовольствием поцеловал тебя. Ты не будешь против?
- Ты что, – Ундина приподняла брови, – на солнце перегрелся? Сначала становишься рыцарем, потом поцелуи. А у меня есть свой Хульдебранд.

Пока я болтал с Ундиной, соседка уходила, и наступала минута тишины и покоя. Я был на дне морском.

Бабушка открывает для нас своего Бога

К середине лета я уже привык к неожиданностям, а слово «вдруг» стало совсем родным. С бабушкой все было «вдруг». И это вскоре перестало пугать.

Вдруг она решала закалывать нас в море, и мы ездили в душном автобусе купаться на окраину города, хотя море было совсем рядом. Шли через заброшенное старое кладбище, где на упавших каменных плитах и крестах было не разобрать имена, но можно гладить их теплые поверхности, поросшие светло-зеленым мхом. Они были такие старые, старше нас, старше патронов и осколков снарядов, валявшихся тут и там еще с Великой Отечественной войны, старше бабушки.

А потом пологим спуском бежали к морю и полчаса изнывали от жары в ожидании купания.

Это называлось «остыть». Мы играли, изжариваясь на камнях, а потом вдруг начиналось время купания, и длилось он так долго, как нам хотелось, до синих ногтей и губ, до сведенных ног и неуемной дрожи.

Вдруг бабушка решала, что мы должны по утрам слушать гимн Советского Союза, стоя, с торжественными лицами. Как это сочеталось с тем, что она была дочкой священника, которого когда-то

расстреляли коммунисты, я не знаю. Да и вряд ли тогда нас с Васенькой занимали эти психологические изыски и исторические подробности. Мы слушали гимн и старались не захихикать, чтобы бабушка не устроила нам словесную пытку.

Иногда вдруг случались и хорошие неожиданности. Так как вставал я рано, часов в пять утра, бабушка начала с вечера оставлять мне деньги и молочный бидон. И я утром бежал к бочке на колесах, в которой привозили молоко. Раннее свежее утро в Крыму. Деревья шелковицы, кусты с густой изумрудной листвой и мягкое утреннее солнце повсюду. Догадывался ли я раньше, каким желанным бывает одиночество, какими необходимыми могут стать полчаса тишины и рассвета...

Так же «вдруг» бабушка решила, что пора нам рассказать о ее Боге.

До этого я кое-что слышал о христианстве. То есть я был типичным ребенком из интеллигентной семьи, и мне, конечно, рассказывали о Христе. Это была обычная для того времени и среды трактовка. Христос предстал в ней эдаким добрым мужчиной, которого уничтожили за веру. А уж был ли он Богом или святым, решать тебе самому. Срочного ответа этот вопрос не требовал, насущные проблемы были куда серьезнее, и я пока отложил его...

Приняв решение просвещать нас с Васенькой в этом вопросе, бабушка открыла для нас своего Бога. Ее Бог был совсем другим. Он был грозен, могуч и беспощаден. В ее рассказах грозный Господь только и занимался тем, что карал. Делал Он это изощренно. Сокрушал зубы грешников, мстил их детям до седьмого колена, убивал, рушил города. Он создавал все условия, чтобы мы почувствовали холод и жар ада. Каждому, кто отступал от Его закона, Он готовил такое суровое наказание, какое, по словам бабушки, мы и представить себе не могли. В описании всяких мук, уготованных злым людям, бабушка доходила до поэзии. Я чувствовал, как бабушка радуется, что Бог так могуч и что Он – ее союзник. Я представлял, как Он появляется за ее спиной и всякому, кто как-нибудь согрешил против бабушки, сокрушает челюсти. В ее рассказах звучала радость удовлетворения. Бог мщения был повсюду. Он видел, чем занимаются мальчишки по ночам, держа руки под одеялом, Он знал, кто и как грешит в ту самую минуту, секунду даже, как только грех приходил нам на ум. Знал и терпел. Пока терпел. Но чаша весов с нашими грехами становится все тяжелее, и поэтому нам лучше остановиться, пока Бог не покарал нас, и лучше она, бабушка Аглая, покарает нас, чем терпеливый Бог.

- Не нас, а меня. И не простит, а убьет.
- Нет. Когда она войдет, я сделаю шаг вперед и скажу: «Бабушка, прости нас, мы случайно разбили плафон». И ничего не будет.

Где-то через полчаса бабушка явилась с покупками. Мы сделали, как договорились. Я выступил вперед.

- Бабушка! – начал я. – Прости нас!
- Что-то в моем тоне весьма напрягло бабушку Аглаю. Лицо ее окаменело. Брови сдвинулись к переносице.
- Мы играли и случайно разбили люстру!
- Бабушка молчала.
- В смысле, плафон... – закончил я.
- И тут бабушка заорала:
- Что?! Люстра? Это первая покупка! Я не хочу слышать! Вы? Кто? Осколки! Вон! Вон! Сидите в ванной! Пока я соберу все осколки! Эта люстра! Я купила! В память о...
- Васенька плакал от страха и шептал:
- Я тебе, идиоту, говорил! Надо было молчать! Она бы не заметила!
- Воооон! – орала бабушка.

И мы поплелись в ванную комнату.

Причиной нашей ссоры с братом Васенькой была вовсе не злосчастная люстра. И даже не то, что я по детской глупости предложил покаяться перед бабушкой. Это все было только поводом. Причина, конечно, в том, что на нас обоих по разному подействовал яд, изливаемый бабушкой в наши детские сердца. Хотели мы того или нет, а бабушка была нашим злобным языческим божеством. Мы оказались полностью в ее власти. Не только телом, но и душой. Мы не могли еще ни бунтовать, ни ненавидеть ее. Но сделать виновниками друг друга – вполне. И каждый ежeminутно копил ненависть, обиду презрение.

Там, в крохотной ванной комнате, куда нас выслала бабушка, мы с Васенькой подрались. Молча, не предъявляя обвинений, мы кинулись друг на друга. Схватились, превратившись в единый комок ненависти. Я вцепился Васеньке в волосы и рвал их как мог, Васенька колотил меня кулаками по спине. При этом, несмотря на боль, мы не издавали ни звука. Потому что гнев бабушки был страшнее боли.

Мы медленно кружились вокруг своей оси в сумасшедшем вальсе вражды. Красные от боли и напряжения лица, выпученные глаза, вздвухившиеся на шею вены... И уже на втором круге я увидел, что мы не одни.

В самом углу, на бортике покрытой ржавчиной отвратительной ванны, как недавно на дне мор-

ском, сидела Ундина и не отрываясь следила за нашей борьбой. Так смотрят благородные дамы за рыцарским турниром, ликуя внутри, при этом не позволяя себе кричать и хохотать. Такие эмоции неприличны для благородных дам. Но я видел, что она совершенно счастлива и болеет за меня.

Мы колотили друг друга, стонали сквозь зубы и кружились, кружились. В воздухе пахло стиральным порошком, потом и тухлыми водорослями.

Васенька побеждал. Более крупный и физически сильный, он довольно быстро задавил меня. Еще немного, и я бы плюхнулся на колени. Но я не мог этого сделать при Ундине. Мне и сейчас казалось, что она смотрит прямо мне в глаза. И будто испытывает. Рыцарь я или нет.

В последнем усилии, в отчаянье, я перестал вырваться и колотить брата, а, наоборот, прижался к нему лицом и вцепился зубами в плечо. Он завывал, но едва слышно, не открывая рта. И, оттолкнув меня что было силы, сам рухнул на колени. А я, конечно, не смог устоять и сделал шаг назад. Пошатнулся и, чтобы удержаться, отвел левую ногу чуть за спину.

Если бы я упал, дело кончилось бы совсем плохо. Позади меня стоял старый дровяной титан для нагрева воды. За час до возвращения бабушки мы хорошенько растопили его, чтобы она могла принять теплый душ, вернувшись с покупками. Если бы я упал, не миновать мне больницы со множественными ожогами. Но я лишь уткнулся в него ногой, там, где выпирала икроножная мышца. Сначала мне показалось, что в ноге разорвалась ледяная бомба, потом лед превратилась в невыносимую боль. Я схватился за обожженное место и в недоумении посмотрел на Васеньку. К прежним запахам прибавился запах жареного мяса.

Васенькино лицо расплывалось и как-то корежилось, таяло.

Я совсем не понимал, почему он такой. Почему он передо мной? И почему мы в ванной? Я спросил его:

- Ты когда-нибудь пробовал шашлык?
- Он ничего не ответил, но попытался подхватить меня, когда я начал падать. Не удержал, и я упал. Хорошо, что не на «Титан».
- Мне папа делал шашлык на чьей-то даче, – сказал я Васеньке. Боль в ноге то нарастала, то утихла. – Я там пробовал шашлык. А ты нет?
- Нет, – ответил Васенька. Я видел, что он весь дрожит.
- Точно, потому, что у тебя же нет папы, – сказал я, не для того, чтобы его обидеть. Мне было его жаль. У него не было папы, и он не пробовал шашлык.

